

Наталья

Стеблиук

МНЕ ПРИОТКРЫЛИСЬ ТАЙНЫ МИРОЗДАНИЯ...

Оля Шиленко – поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей Казахстана. Те, кто любит её творчество, по-моему, с интересом прочтут эту статью. Те, кто не знает её стихов, не пожалеют, что познакомились с ними. Судите сами!

Поэт и художница Оля Шиленко родилась и выросла на берегу озера Иссык-Куль. Того самого озера, чьи воды – это воды Первичного океана, миллионы лет назад омывавшего Землю. Океан в своё время схлынул, а частица его задержалась в бессточной чаше среди гор на высоте более полутора километров. (Однако в таком случае непонятно, как на его дно, на глубину 708 м, попали останки древней цивилизации, найденные в 2008 г.). Загадочное озеро, почитаемое у местных жителей как священное. Оно дарило и дарит вдохновение многим талантливым людям, посетившим его берега. Для Оли оно – магнитный полюс творчества, точка отсчёта нравственных ценностей.

Время сбора птиц и урожая,
 час паденья листьев и семян,
 Месяц молодой и сыт, и пьян...
 Родина, прости, я уезжаю.
 Ублажила ты меня дарами,
 упилась твоей я синевой,
 морем, свежим бризом и травой,
 чем могу, воздам. Возьми стихами.
 Воспою тебя я синей птицей,
 как лягушка проурлю ручьём,
 и, нахохлясь сереньким сычом,
 буду спать,
 а ты мне будешь сниться.
 Тропки, кущи, ивовые руки,
 чистая, глазастая вода –
 обняли мне душу навсегда.

Подобно Иссык-Кулю, который, будучи озером, проявляет порой все повадки океана, пейзажи в стихах Оли Шиленко – это не совсем картины природы. Это всегда фрагменты мироздания. И при этом они служат камертоном напряжённой внутренней жизни души.



Пока рубаха взмокшая просушится
На тамариске белым привидением,
Приляг на грудь пустыни и прислушайся
К её дыханью и сердцебиению.

Пусть колесо огромной звёздной полночи
Скрипит себе, не торопясь, и движется,
Ещё сорвут невидимые обручи
Бутоны, словно вспышки электричества.

Пусть прoderутся меж ветвями музыки
Пугливой радости моей олени.
Прислушайся, не говори про грустное,
Запомни эти ночи предосенние.

В её поэтической вселенной природа всегда живая и чувствующая: «приляг на грудь пустыни и прислушайся к её дыханью и сердцебиению». Для передачи душевных движений метафора возводится в квадрат: «пусть прoderутся меж ветвями музыки пугливой радости моей олени». На первый взгляд, это зримая картинка с ветвями, сквозь которые продираются пугливые олени. Но на второй взгляд, олени – это олицетворение робкой радости, которая прорастает в душе сквозь сплетение других чувств, обозначенных прекрасной и загадочной метафорой «ветви музыки». Природа здесь олицетворяет душевную жизнь человека, но и душа человека тонко чувствует вибрации природы, резонирует на их зыбкость и неустойчивость. «Прислушайся, не говори про грустное. Запомни эти ночи предосенние».

Каждое стихотворение Оли констатирует как естественную данность её родство с планетой и всей на ней живностью, даже самой незначительной: жучками, бабочками, сверчками... Причем сверчок в мире этого тотального олицетворения может оказаться в той же системе масштабирования, что и созвездие.

Сверчку сверлить небесную прямую
в загадочный бескрайний иномир.
Слились сентябрь и август в поцелуе,
бурлит горшком магический эфир.
О, что ему до музыки сверчка,
которой, может быть, века, века...

Сверли, сверчок, рассказывай реликт
пылинкам звёзд о том, как Бог велик.
И пусть глядит на Землю Орион,
как будто слышит её тихий стон.

С пространством и временем здесь происходят удивительные вещи! Трель сверчка, которую мы привыкли считать атрибутом летней ночи, легко и просто становится проводником «в загадочный бескрайний иномир». При этом сверчок так же вечен, как звёзды, равновелик им. Более того, он является для них своеобразным наставником: «рассказывай реликт пылинкам звёзд о том, как Бог велик». А звёзды, наоборот, уменьшаются до размеров пылинок, но кто может заявить, что эта метафора неорганична? Разве мы, глядя в ночное небо, не вос-

принимаем далёкие созвездия в виде пылинок? Между тем, на этом условном уроке Вселенная представлена нам как бы с точки зрения сверчка, уютно устроившегося на зиму в тепле за печкой. Что может быть прекраснее кухни, в которой жизнь ликует, как на картинах Ренессанса! «Слились сентябрь и август в поцелуе, бурлит горшком магический эфир»... Роскошные метафоры, подчеркивающие красоту и совершенство Божьего мира! И наконец урок заканчивается, реальные параметры пространства и времени восстанавливаются, но космос остаётся по-прежнему одухотворенным: «И пусть глядит на Землю Орион, как будто слышит её тихий стон»...

В другом стихотворении родство человека со звёздами доказывается, как теорема, с помощью научных фактов.

Что маленькие наши катастрофы,
трагедии, тщета вражды и строф?
Коль каждой ночью пред лицом природы
свидетель я вселенских катастроф.

О эти грандиозные мистерии!
Галактики в сто миллиардов солнц,
туманности и звёздные скопления,
где жизнь и смерть, рождение и сон.

Как умирают звёзды, как рождаются?
Не знаю я, но чувствую родство.
По меньшей мере в недрах их когда-нибудь
кипело жизни НАШЕЙ вещество.

То вещество, что стало тёплым телом,
прозрением и зеркалами глаз.
Лишь мысль в свой дом летает запредельный,
лишь мысль порою слышит божий глас...

Над Богом Бог. И над богами боги.
И над богами всех богов сверхсвет.
И бесконечно всё, и одиноко
летит Земли пылинка в пыль планет.

Точная астрофизическая картина мира поражает воображение грандиозностью своих мистерий, перед которыми столь ничтожен человек, который жизнь кладёт на какие-то дела, трагедии, за какие-то ценности... И вот на фоне этого немислимого контраста звучит дерзкая мысль, что мы, мелкие, и громадные звёзды созданы из одной субстанции. «В недрах их когда-то кипело жизни НАШЕЙ вещество. То вещество, что стало тёплым телом, прозрением и зеркалами глаз». Стихотворение, подобно мирозданию, построено по типу фуги, исполняемой на органе, постепенно и торжественно набирает ход, раскрывается мощным крещендо:

Над Богом Бог. И над богами боги.
И над богами всех богов сверхсвет.

И вдруг заканчивается нежным, беззащитным голосом флейты:

И бесконечно всё, и одиноко
летит Земли пылинка в пыль планет.

Этот контраст грандиозности и беззащитности составляет одну из самых обаятельных тайн лирики Оли Шиленко.

В стихах о родине, детстве и близких он проявляется по-другому.

Необратим наш фатум. Мы другие.
В машине времени хочу ли я опять
Попасть в ту синь, в те дали дорогие,
Где пирожки печёт в избушке мать?

Где не достроен дом, отец в больнице,
У брата сыпь, нас дразнят пацаны.
Но синяя поёт о счастье птица
По радио, на зорьке для страны.

Меня не провожает в школу мама.
Одна – задворками, по роще, весела...
Святые, словно ангелы во храмах,
Встречаются мне жители села.

Какие люди были! – в шрамах оспы,
Корявые, увечные с войны...
Но ясные в глазах сияли звёзды.
В них было столько веры и весны.

Картина, начатая смелыми мазками художника-импрессиониста, по мере чтения перевоплощается в суровый соцреализм – подчёркнутое внимание к непарадной стороне жизни, скромности быта, корявости лиц... Однако импрессионизм вновь возвращается, окрашивая всё неповторимым светом ностальгии. Становится ясно, что, выделяя обыденные моменты жизни, поэт показывает, что в той, ушедшей навсегда великой стране доброта, надежда, уверенность в завтрашнем дне были привычной нормой. Эти простые ценности, от которых отрекается сегодня мир, ошалевший в конвульсиях постмодернизма, эти ценности – вечны. В этом состоит кредо Оли Шиленко, и за него она готова постоять.

Пусть за хибарку переплачено,
но жизнь в ней шла, как у богов.
Казалось, мы пустились в плаванье
меж островами облаков.

Светило узкое оконце,
менялись тени гор и слив,
и кубометров сорок солнца
плескалось в доме, как залив.

К нам возвращались Григ и юность,
и нам ночами не спалось.
Какие добрые иуни
ещё испить нам довелось.

Пусть тыщи звёзд уже подслушали
о наших странствиях земных...
Но яблоко едва надкушено.
Я продолжаю свой дневник...

Вновь эти тропы прорастают из самой что ни на есть обыденности. Причем неказистость быта даже чуть преувеличена: хибара такая ветхая, что за нее пере-плачено. И одновременный смысл: такие непрактичные персонажи, что даже не смогли сторговаться по поводу убогого жилья. НО!.. дальше образы легко и не-принуждённо поднимаются до космических высот. Меж островами облаков, через сорок кубометров солнца, которые «плескались в доме, как залив», переворачивая время («к нам возвращались Григ и юность...»), «испив добрые иуни» – стихи доводят нас до «тыщи звёзд», которые «уже подслушали о наших странствиях земных» – буквально метафора на метафоре. А надкушенное яблоко в этом контексте – уже не только реальный фрукт, но и ньютоновский символ Познания, и в то же время библейский символ Запретного плода, плотской любви... Причем «яблоко ЕДВА надкушено», и всё самое интересное ещё впереди: «Я продолжаю свой дневник»...

В любовной лирике каждого поэта особенно ярко проявляются самобытные стороны его дарования. У Оли это – насыщенный метафорический стиль, контраст между микро- и макромирами, изменения пространства и времени в разнообразных пропорциях и, конечно же, ностальгические мотивы, когда прошлое просвечивает сквозь настоящее.

Погрузи меня в свою реальность.
Обрати меня в свою зарю.
Не гореть мне свечкою венчальной.
Серебристым явором горю.

Мне светло в твоей любви, как в храме,
И тепло, как в солнечном дворце.
Помню я, как жили светлой ранью
С пламенем блаженства на лице.

Пусть сквозит косой, слепящий ливень,
Как гиперболоид меж сердец.
Всё равно отчаянно счастливой
Жизнь несёт терновый свой венец.

Любовь в поэзии Оли Шиленко есть смысл и основа жизни; сила любви побуждает агрессию и хаос. Только любящий человек ощущает себя по-настоящему живым. А это побуждает поэта более пристально взглянуть в самого себя. Экзистенциально-философские мотивы проходят мейнстримом сквозь всё творчество Ольги. Самоосознание просто необходимо поэту сегодня, ведь в мире как никогда активизировались силы Зла. Постмодернистское разрушительное сознание, циничное надругательство над святынями, ложь в планетарном масштабе, поставленная на поток политтехнологами, – всё это ведёт человечество к гибели. Оля Шиленко видит предназначение поэзии в том, чтобы, утверждая идеалы Добра,

предотвратить катастрофу. В этом состоит миссия её собратьев по цеху: «Поэты посланники неба. Однажды приходит их Свет» («Поэтам»). В каждом её стихотворении зашифрован мессендж – призыв к восстановлению гармонии мира.

Какое хорошее слово – света-ает...
 Как робко в окно прибывает рассвет.
 Светает, и снова Земля как святая.
 Ни снов, ни чудовищ у разума нет.

Разорваны крылья, дракон улетает.
 И нетопырь сгинул, и Дракула мёртв.
 Светает, светает, Наташа, светает,
 Звезда наша – Солнце
 возвращается в порт.

Что можно сравнить с этим мигом, ей-богу!
 Вскочить, распахнуть свою дверь в небеса
 И тихо смотреть, как, грустя одиноко,
 Глядят, угасая, Персея глаза.

Тонкий, акварельный пейзаж рассвета сопровождается ласковым олицетворением «И снова Земля как святая». Дальше идут воспоминания о ночных кошмарах с уродами и чудовищами. Набор этих чудовищ неслучаен: дракон с разорванными крыльями, нетопырь, Дракула – всё это атрибутика хорошо знакомой нам современной войны, где-то ассоциирующаяся с подорванным самолётом, где-то с татуировками, где-то с оценочными суждениями воюющих друг против друга братьев... Это страшные ассоциации, и, по версии поэта, если они не растают с рассветом, апокалипсис неизбежен. «Светает, светает, Наташа, светает...» – такой вот неожиданный оклик, по-свойски, по-житейски... На месте имени Наташа могло быть любое другое имя: Илюши, Серёжи, Никуши – ведь трагический раскол проходит сегодня через сердце каждого живущего. Поэт взламывает рамки жанра, стирает границы между искусством и жизнью, и, словно блогер в соцсетях, напрямую обращается к современнику: «светает, ты слышишь?» «Светает» – это не только состояние природы, это то, что наступит после периода полураспада, после тотального морока наших дней. Это то, с чего начнётся новое Возрождение мира – на новой основе, с новым пониманием старых истин, вечных нравственных ценностей.

Однако в обществе до рассвета еще далеко, и кто знает, сколько испытаний и бед предстоит преодолеть. Осмыслению своих сил, своего места в этом противостоянии посвящены многие стихи Оли Шиленко.

Зачем ты так? Я фейсом не торгую,
 ни лирой не торгую, ни душой.
 Проклятый век, люби меня такую
 и не стирай совсем уж в порошок.

Пройдёт война, тщеславие и голод,
 насытятся акулы у руля.
 Не сгубит нас ни жар пустынь, ни холод.
 И не сойдёт вовек с оси Земля.

Типун на злой язык... Земля живая.
Она, как люди, не сойдёт с ума.
Никто её судьбою не играет.
Она играет судьбами сама.

А потому соломинкой в потоке
пльви, мой век, природу не гневя,
пльви, дыши и выживи в потопе.
Какой ни есть, а я люблю тебя!

Для Оли Шиленко, как и для всех поэтов, чьё творчество пришлось на эпоху перемен, тема века – одна из самых актуальных. В приведённом стихотворении её ответ на вызов века звучит не дерзко, но достойно. «Зачем ты так? Я фейсом не торгую, ни лирой не торгую, ни душой»... А, по факту-то, в наши дни требуется как раз обратное – всё на продажу: лира, душа, тело... Приходится проявлять стойкость, чтобы противостоять этому. «Проклятый век, люби меня такую и не стирай совсем уж в порошок». Это возглас отнюдь не чемпионки бойцовского клуба, а хрупкой женщины, с отчаяньем осознающей свою слабость и одновременно убеждённой в своей правоте и силе духа. Она упрямо убеждает читателя, да и себя заодно, в том, что всё плохое пройдёт. «Пройдёт война, тщеславие и голод, насытятся акулы у руля. Не сгубит нас ни жар пустынь, ни холод. И не сойдёт вовек с оси Земля». Почему же поэт так убеждена в своей правоте? Потому что законы Вселенной на её стороне. И главным её союзником является сама Земля: «Она, как люди, не сойдёт с ума. Никто её судьбою не играет, она играет судьбами сама». Законы Вселенной неукоснительно проявляют себя и в сравнении масштабов бытия. Этот грозный наш век, стирающий нас – песчинок в порошок, поразительным образом сам оказывается всего лишь соломинкой в системе вселенских координат: «...соломинкой в потоке пльви, мой век, природу не гневя, пльви, дыши и выживи в потопе...». И вывод из всего этого – на первый взгляд, парадоксальный, но на деле единственно мудрый: «Какой ни есть, а я люблю тебя!». Здесь, как и в других стихах, её излюбленный, немодный ныне хеппи-энд не выглядит сентиментальным штампом из прошлого, а вызывает уважение и горячую со-эмпатию.

Благодаря таким вот стихам человек начинает по-настоящему понимать всю безграничную силу своей Души, своего Духа, своего Разума и своего Слова.

В этом и заключается харизма и магия поэзии Оли Шиленко. Именно поэтому её стихи актуальны и востребованы в наши дни.

